Инна

Макарова

родом из сибири

Моя биография

Инна В. Макарова
Родом из Сибири
Серия «Моя биография»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21128660
Родом из Сибири: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-097209-8

Аннотация

<p id="_GoBack">С детства Инна Макарова мечтала стать актрисой. И вот – девушка из Сибири с легкостью поступает во ВГИК в мастерскую С. Герасимова. По окончании получает одну из главных ролей в фильме «Молодая гвардия» и мгновенно становится знаменитой. Ее замечают известные режиссеры. На экранах одна за другой появляются картины, в которых талант актрисы раскрывается во всем многообразии: «Высота», «Дорогой мой человек», «Девчата», «Женитьба Бальзаминова», «Женщины», «Пошехонская старина»… Она играет вместе с Рыбниковым, Баталовым, Мордюковой, Румянцевой, Вициным, Гурченко и другими. А рядом работает ее первый муж, Сергей Бондарчук. С ним у Инны Владимировны связана целая жизнь, о которой она рассказала ярко, откровенно и удивительно тонко. Книга выходит к 90-летию актрисы.

Содержание

Мой дорогой человек 5
Мечта ребенка 9
Вставай, страна огромная! 23
Поступаю во ВГИК 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Инна Макарова
Родом из Сибири

© И. В. Макарова, 2016
© Н. С. Бондарчук, предисловие, 2016
© Киноконцерн «Мосфильм» (кадры из фильмов)
© РИА Новости
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Мой дорогой человек

Об этой книге мама мечтала давно. И вот наконец она появляется на свет, к ее 90-летию.

Когда я думаю о мамином детстве, представляю себе такую картину. Девятилетняя девочка в валенках, шубейке, в шапке-ушанке, с упорством бредущая ранним морозным утром по сибирским сугробам в музыкальную школу. И еще – девочка постарше, в поле, у костра, смотрящая на звездное небо, падающие звезды. Она задумала только одно – стать настоящей артисткой. И она шла к этой заветной цели всю жизнь… Очень непростую жизнь, с минутами отчаяния и… новыми взлетами.

Да, не все из задуманного осуществилось, но многие фильмы с участием моей мамы, Инны Владимировны Макаровой, на телеэкране идут до сих пор. Более того, у меня сложилось впечатление, что потребность в них выросла. Эти фильмы демонстрируются по всем каналам в праздники и будни в самое рейтинговое время. В чем их секрет? Думаю, в достоверности женских образов. Ее Варя из фильма «Дорогой мой человек», Катя из «Высоты», Дуська из «Женщин», Надя из «Девчат», Марья из «Русского поля» отражают целое поколение российских женщин. И постепенно эти картины из разряда художественных лент становятся еще и документальными свидетельствами целой эпохи. Они дарят дра-

гоценные воспоминания о времени, которое утрачено. Времени становления нашей страны – Советского Союза – и времени всех испытаний, выпавших на долю нашего народа. В этих женских судьбах все: Великая Отечественная война, послевоенное строительство, неустроенность быта, истинность дружбы, обретение себя и, конечно, любовь! Образы, созданные Инной Макаровой, так близки нашим женщинам старшего и среднего поколения, что на творческих встречах народной артистке СССР всегда аплодируют стоя. Она стала для самых разных женщин выразителем их желаний, стремлений, любви. Именно этого так не хватает сегодняшнему кинематографу.

Да, у нее не было мужа-режиссера. Но я выросла и, неожиданно для всех, стала режиссером. Она снималась почти во всех моих фильмах: «Пошехонская старина», «Живая радуга», «Детство Бемби» и «Юность Бемби». А когда повзрослел мой сын и стал композитором, он начал писать музыку к картинам с ее участием: «Пушкин. Последняя дуэль», «Тайна Снежной королевы».

У мамы одна дочь – это я, двое внуков – Иван и Мария Бурляевы. От них – правнуки.

У Ивана и Юлии Бурляевых – Настя и Никита. У Марии и Владимира Баграмова – Тема и Даня. Причем Даня родился в воскресенье 29 мая 2016 года.

А 28 июля маме исполнится 90 лет!

Звезды помогли! Главное ее желание – стать артисткой –

исполнилось! Девочка из Сибири не только сама стала артисткой, но и родила себе дочь – артистку и режиссера, а я, в свою очередь, родила ей внучку-артистку!

А дальше – посмотрим…

В фильме «Тайна Снежной королевы» мама сыграла Фею времени. Там есть такая сцена. Маленькая Герда любуется платьем Феи и говорит: «Какое красивое платье! Наверно, старинное?» – «Да, – отвечает ей Фея, – я носила такое лет сто пятьдесят назад». – «А сколько же вам лет?» – удивилась Герда. «А почему ты спрашиваешь? – Фея кокетливо поправила себе локоны. – Мне столько лет, сколько я захочу». И превратилась в молодую…

Но это в сказке. Сегодня мама все больше вспоминает прошлое. Тех, кого рядом уже нет, но они становятся как бы ближе к ней. Признается мне: «Часто вижу твоего папку. Как он меня в пальто свое завернул и понес на руках».

А сама, даже лежа в постели, читает стихи своей любимой поэтессы Елизаветы Стюарт.

Чужой не завидую славе,
Читая чужие стихи,
Но знаю я добрую зависть
К искусству добротной строки.

Мне любо мгновение это,
Когда, утолиться спеша,
В волненье другого поэта

Моя заглядится душа.

Как будто в колючую вьюгу
Жилища я вижу огонь,
Как будто бы лучшему другу
Я руку кладу на ладонь.

И чувствам становится тесно,
И дали сияют светло,
А в сердце ответная песня
Уже расправляет крыло.

Наталья Бондарчук, заслуженная артистка РСФСР, кинорежиссер

Мечта ребенка

Трудно сказать, что наталкивает людей на выбор профессии. Призвание? Окружение? Случай?

Иногда всё вместе, иногда что-то одно. Первое мое осознанное движение к будущей профессии произошло в Новосибирске, в четвертом классе.

Зимой, когда идешь в школу, совсем темно, все завалено снегом, а в классе тепло, и сразу же, отогревшись, начинаешь клевать носом. На первом уроке, пока в окнах еще черно, ребята сонные, сидят смирно. И каждое новое утро похоже на вчерашнее. Но одно утро я запомнила на всю жизнь.

Директором нашей школы был Алексей Александрович Покровский, учитель географии. Человек уже немолодой, увлеченный, как я теперь понимаю, своей высокой миссией воспитателя, а кроме того – учитель, который сумел привить ученикам любовь к своему предмету на всю жизнь.

Так вот, однажды на первом уроке открывается дверь, входит директор и ведет за руку нашего одноклассника, десятилетнего Мирошу Бучина. Мироша одет в нарядный бархатный костюм с большим белым бантом на груди. У нас от такого великолепия рты пораскрывались. Но самое грандиозное было впереди. Алексей Александрович, извинившись перед учителем, обратился к нам со словами, которые звучали для нас как сказка, как чудо. Мироша только что вернул-

ся из Москвы, куда его возили на смотр юных талантов. И там он занял первое место за чтение басни и еще чего-то! И в доказательство Алексей Александрович показал нам роскошную грамоту.

А я-то и не заметила, что Мироша уезжал! Как это бывает, живешь своей жизнью, смотришь себе на валенки утром и вечером, когда идешь в школу и из школы, тянешь свой портфель по снегу, ленишься помаленьку и не видишь, что вокруг делается. Люди-то на что способны! И не кто-нибудь, а вот наш Мироша Бучин!

Алексей Александрович рассказал нам про Демосфена. Про его силу воли, как он учился ораторскому искусству, имея физический недостаток: у него дергалось плечо. И чтобы плечо не подергивалось во время речи, Демосфен подвешивал меч острием вниз: когда плечо дергалось, меч колол его. Благодаря своему упорству Демосфен избавился от недостатка и стал великим оратором.

Так и наш Мироша! Талантом, а еще больше трудом, силой воли и упорством добился он такого почета! Алексей Александрович призывал нас не лениться, не спать на уроках, учиться хорошо, всего добиваться! Я помню его вдохновенную позу, наш Алексей Александрович был действительно взволнован.

Потом он взял Мирошу за руку и повел в следующий класс, чтобы все знали и сами убедились в Мирошиных успехах, предоставив каждому из нас переваривать все виденное

и слышанное по собственному усмотрению.

Вот это да! А что же я-то? Сижу и зарываю талант в землю. Ведь у меня тоже есть кое-какой сценический опыт. Дело в том, что несколько раз меня возили в Мариинск. Там был большой дом с высоким крыльцом недалеко от соборной площади, где по утрам шумел базар и весело звонили колокола торжественной белой церкви. Очень интересно было заглядывать в ее мерцающую, пахнущую воском темноту.

За нашими огородами и просторной баней еще чьи-то огороды, потом поле и золотоносная река Кия с прекрасными песчаными берегами и пляжами, славившимися по всей Сибири.

В большом доме жили мои бабушка и дедушка по отцу. Летом к ним съезжались взрослые сыновья и дочери с детьми. Приезжали по гостить и мы с сестренкой, иногда с папой и мамой. У дедушки – Степана Родионовича – была оборудована в проходной комнате мастерская. Переселившийся с братом в Си бирь на «земли» из Вятской губернии еще в конце XIX века, дедушка продолжал традицию знаменитых гармонных мастеров. Поэтому по всему дому разносились короткие музыкальные звуки настраиваемой гармони. У деда был прекрасный слух. Из Тисуля, с золотых приисков, ехали люди за музыкой к Степану Родионовичу. Кроме гармони дедушка прекрасно играл на гитаре и мандолине, эти инструменты всегда висели у него на стене в мастерской.

Если бы сейчас искали у нас для съемки доброго дедуш-

ку, то мой был бы уже и одет как надо. Я помню его в синей в белый горошек косоворотке, подпоясанной тоненьким ремешком. Дедушка носил очки в металлической оправе.

Именно здесь, на высоком крыльце дедушкиного дома, я и дала свое первое представление. Было мне тогда лет шесть, но я уже побывала в нашем новосибирском ТЮЗе. Видела Дон Кихота, которого играл мой однофамилец, тогда еще совсем юный Василий Макаров, видела пьесу «Клад».

Задача была одна: собрать, усадить, а потом удержать зрителя на местах любыми средствами. Правда, спешить людям было некуда, но попытки к бегству наметились еще до начала представления.

Помогали мне двоюродные сестрички и братишка Боб. Крыльцо выходило не на улицу, а во двор. Стулья выносились из дома и ставились перед крыльцом, и сидели на них почти все взрослые обитатели дома. А народ у нас был театральный.

О папе и маме говорить нечего – они работали в новосибирском радиокомитете, были литераторами, и наша семья даже жила в так называемом писательском доме.

Мама – Анна Ивановна Герман – была литературным редактором и собкором, работала заведующей литчастью в ТЮЗе, а потом в «Красном факеле», знаменитом сибирском театре.

Папа – Владимир Степанович Макаров, обладавший редким по тембру голосом, был диктором. Публиковались его

поэмы, стихи. В 1934 году он стал членом Союза писателей. Я храню его билет с факсимиле Максима Горького.

Один дядя был неплохой художник, любимая изящная тетя Аня, тогда еще совсем молодой врач, была театралкой, а самый старший из братьев Макаровых, дядя Петя, очень высокий, с «чеховской» бородкой, впоследствии очень напоминавший мне Станиславского в роли Астрова, долгое время руководил драматическим коллективом на прииске Берикуль. Так что было перед кем показаться.

Собрали мы порядочную аудиторию. Давалась пьеса, вернее фрагмент из пьесы, «Клад». На крыльцо я затащила огромный куст полыни, за который пряталась. Когда началось действие, одна из девочек крикнула: «Птаха, ты где?» Я из-за полыни кричала: «Ау, я здесь!» И так несколько раз, пока в первом ряду на стуле не остался один дедушка по причине безмерной своей доброты.

Но лиха беда начало. Я поняла, что одним «искусством» неблагодарную публику не удержишь, нужен буфет! Решение было принято. Из ягод мы сделали морс. Как известно, в буфетах из напитков ничего вкуснее лимонада или, на худой конец, морса нет. В огороде мы нарвали репы, огурцов, моркови и тоже – в буфет. Самое главное было написать цену на все, а писать мы уже умели, и объявление, что в такой-то день и час будет концерт с буфетом уже не на крыльце, а у амбара, там можно было открывать и закрывать ворота, как занавес. И стулья устанавливались перед этим «занавесом».

Вначале зрителям предлагалось зайти в буфет, где мы довольно бойко торговали, так как папа и его молодые братья просто откупались от нас пятаками и убегали.

Первые два номера были нам известны: открывая концерт, я читала стихотворение, затем я танцевала матросский танец «Яблочко». Остальная программа составлялась по ходу дела. Как всегда, не хватило одного дня для общего прогона. Собственно, ни одного прогона не было. Мы слишком были увлечены организационной частью. Я объявила следующий номер – «балет с пением». И шепотом быстро объяснила девочкам, что надо делать. Открыли занавес – и пожалуйста: «Где вьются над озером лозы, где яркое солнце печет, танцуют и пляшут стрекозы, веселый ведут хоровод!..»

Задача моя была махать руками, изображая стрекозу, петь и еще держать своих партнерш, чтобы они не убегали со сцены из-за незнания текста и того, что надо делать. Когда закрылись, а потом снова открылись ворота, я увидела на скамейке четырехлетнего Боба, которого мы за бестолковость вытолкнули из-за кулис в самом начале концерта. Даже терпеливый дедушка не выдержал наших длительных закрываний и открываний занавеса. Не от искусства же он сбежал в самом-то деле!

Все это я вспомнила после сообщения директора о грандиозном успехе нашего одноклассника. Ах, как взбудоражил Алексей Александрович в то памятное утро все мои творческие силы, дремавшие вместе со мной на уроках!

Результатом этого неожиданного успеха Мироши было создание в нашей школе драматического кружка. И первой моей ролью, сыгранной на сцене, была бессловесная роль поповны в инсценировке «Сказки о попе и о работнике его Балде», поставленной к пушкинским дням. Меня очень беспокоил кокошник на голове, я все боялась, как бы он не свалился на одно ухо, потом на другое, когда поповна печалилась.

Потом мне дали уже ответственную роль девчонки Паньки в пьесе «Кухаркины дети», эту пьеску мы показывали где-то на смотре (видно, нас упорно продвигали по лестнице славы!). Перед этим ответственным смотром, решив, что раз мы очень волнуемся, то надо выпить валерьянки, мы с девочками тайно забрались в буфетный закуток. Имея смутное представление о том, как пьют валерьянку, я на всякий случай хлебнула четверть стакана – чтобы лучше подействовала. Очень подозрительно приглядывалась, почти принюхивалась к нам буфетчица, когда мы с большим достоинством проходили мимо нее.

Но ни о каком успокоении и речи быть не могло. Наоборот, я ошалела – и на спектакле с таким самозабвением и грохотом била по ходу действия посуду, что после этого показа в школе за мной прочно утвердилось – «артистка»!

Тупик Потанинской улицы, где мы тогда жили, был необычайно интересным для меня местом. От центра города нашу улицу отделял глубокий овраг, вдоль которого стояли дома; с двух его сторон, постепенно сужаясь, тоже сто-

яли дома, образуя большой треугольник, поросший травой, машины туда почти не заезжали, и улицей целиком владели ребята. Недалеко от нашей улицы было старое заброшенное татарское кладбище – место наших постоянных игр, а еще дальше – большое действующее кладбище с церковью. Здесь, под молодыми березами, вскоре пришлось хоронить моего тридцатичетырехлетнего отца. Пустяк – крошка попала не в то горло, острый абсцесс, а затем гангрена, омертвление легкого. Случилось это в Улан-Удэ. Папа был в командировке, участвовал в создании радиокомитета. Во время строительных работ он уже вещал на радио. Был автором, редактором и диктором. Приехал домой тяжелобольным. Помню, как бросилась к нему, когда он вошел. Помню его в больнице, он был в сознании, даже пытался улыбнуться. Когда мы ушли, через 15 минут его не стало. Тогда еще не было антибиотиков и современной хирургии. Уже в наше время мой муж Михаил Перельман делал много таких операций, и люди продолжали жить…

Дел летом было по горло. Утром – полить свои георгины и астры. Бабушка Ирина Самсоновна всегда выделяла нам с сестрой по грядке, чтобы мы сами за ними ухаживали. Увлечение это осталось на всю жизнь. В школе я всегда была в юннатских кружках. До посинения переливала в школьных аквариумах с обычными пескарями ледяную воду, даже записалась в цветоводческий кружок Детской технической станции. Но на посещение ее времени не хватало. Увлечение те-

атром оказалось сильнее.

Летом, если мы не уезжали куда-нибудь, то пропадали на улице. Любимыми играми бы ли «сыщики-разбойники» и лапта. Но главная игра – в театр. Опять забота о зрителе, если его не было, я играла для двух-трех девочек. Больше всего я любила убегать в огороды и на меже, между двумя участками, где воздух напоен резким запахом помидорной и картофельной ботвы, паслена, изображала любимого героя из репертуара ТЮЗа.

Новосибирский ТЮЗ был создан учениками знаменитого тогда режиссера Брянцева – Е. Агароновой и Н. Михайловым, приехавшими из Ленинграда.

Если в ТЮЗе шла «Красная Шапочка» с чудесной З. Булгаковой, я долго потом прыгала и изображала зайца. Если «Синяя птица», я училась лаять, потому что больше всех персонажей любила Пса за его доброту и верность. В спектакле «Шел солдат с фронта» мне очень нравилась роль Любаши, которая по ходу действия сходила с ума. Однажды в лопухах я проиграла перед девочками эту Любашу, текст сочиняла на ходу, говорила, что придет в голову, и никак не могла остановиться. Одна из девочек, с опаской подойдя ко мне, сказала: «Ты так хохотала, так хохотала… Просто сумасшедшая!»

На следующий год после кончины папы мама поступила в Литературный институт на заочное отделение. Каждую весну она ездила в Москву на сессию. Адрес – Тверской буль-

вар, 25, Литературный институт им. Горького – помню с детства. В 1940 году мама окончила Литературный институт, а осенью вышел ее роман «Возвращение». И когда я бывала в Сибири, ко мне всегда подходили ее читатели…

Одно из самых красивых зданий Новосибирска – Дом Ленина. В саду за этим зданием есть памятник – из гранитной скалы вздымается рука с факелом. Воздвигнут памятник подпольщикам Ново-Николаевска – так прежде назывался Новосибирск – героям революции, расстрелянным в декабре девятнадцатого года отступавшими колчаковцами. Построен дом после смерти Ленина на средства жителей города. Тогда были выпущены билеты стоимостью, равной стоимости одного кирпича, и так, буквально по кирпичику, был выстроен дом, в котором позднее разместились радиокомитет, Театр юного зрителя и Дом художественного воспитания детей. В ДХВД были разные кружки, в числе других – два драматических. Приемные экзамены – их надо было держать, как при поступлении в настоящее театральное учебное заведение, – проходили осенью. И вот однажды я решила туда пойти. Меня прослушали и неожиданно включили в состав старшей группы, хотя по годам я должна была заниматься в младшей.

В этой группе занимались совсем взрослые юноши и девушки. Руководила ею Валентина Викторовна Петухова. Талантливая актриса, много игравшая на сценах Томска. Уйдя с профессиональной сцены, она вела драматический кружок, оказавшись вдохновенным и энергичным педагогом.

Мы занимались в большом зале с высокими окнами, сценой, с палками вдоль стен – станками для занятий хореографией. Да, у нас были и танец, и ритмика. И, главное, занятия по мастерству. Сколько было разговоров о Станиславском, о нашем русском театре. Мы любили этот мир репетиций, мир литературы и музыки. Мы играли в нашей студии Лермонтова, Островского, Гольдони, Мольера, Шекспира.

В кружке уже были свои традиции, рассказывали о старших кружковцах, которых я не застала, так как они поступили в столичные театральные институты. Эти ребята вошли уже в иную, взрослую, жизнь.

Какое счастье было вечером бежать в нашу студию. В валенках, в ушанке, а поверх бабушка заворачивала меня в огромную шаль, оставляя маленькую щелочку для глаз. А под шалью, на груди – книжка и тетрадка с ролью. И невозможно было пропустить ни одной репетиции: казалось, пропущу все самое главное, лучшее в жизни… И я бежала по темным, заваленным сугробами улицам в студию. Ах, как я хотела играть по-серьезному, по-настоящему!

На распределение ролей «Двенадцатой ночи» пришли почти все кружковцы. Какими они представлялись мне опытными, умными, блестящими артистами! Если среди взрослых людей разница в четыре-пять лет не очень заметна, то когда тебе тринадцать и все старше тебя, их авторитет завораживает.

Валентина Викторовна зачитывает состав исполнителей.

Себастьян – Борис Сухов. Конечно же, он! Стройный, светловолосый, интеллигентный. Он уже играл Ромео. Мальволио – Дима Мелик, легкий в движениях, хотя и плотноватый, с умными, темными, озорными глазами. Сэр Эгюйчик – Марат Бондаренко-Стольниц, сэр Тоби – Изя Зильберштейн. Шут – очень важная и трудная роль – Леня Чевашев. Виола – Нина Мамаева. Конечно, кто же еще! Нина сыграла в кружке уже несколько ролей. Она была звездой ДХВД. Первое время я старалась подражать ей. Мария – и вдруг я слышу: Макарова. Я замерла. Я буду играть вместе с ними! С этими замечательными людьми!

Наконец наступил день премьеры. Все важно, все волнует – декольте длинного платья и запах грима, новенькие, пахнущие клеем и краской декорации и световые эффекты! А какие все красивые! В гриме, в роскошных костюмах. Я уж не говорю о герцоге – В. Орлове, или Себастьяне, но вот Леня Чевашев, высокий, пластичный…

Здесь мне хочется остановиться и процитировать фронтовое письмо Леонида Чевашева. «…И воспрянуло в памяти многое из моментов пребывания моего в ДХВД. Вдруг что-то новое, сильное захотелось испытать в жизни, это – хотя бы один день пожить на сцене с порывами шекспировской любви».

Но это будет потом, а пока Леня напевает песенку шута и как-то мягко, по-кошачьи, двигается. Зал переполнен. Спектакль идет с подъемом. Приближается мой выход. На сцене

буйствует сэр Тоби – Изя Зильберштейн, отплясывает сэр Эгюйчик – Марат Бондаренко, важ ничает Мальволио – Дима Мелик. Я выбегаю: «Что за кошачий концерт вы тут развели?» – и от волнения забываю текст. Я стою, в ужасе молчу и ни одной строчки не помню!

В антракте, за кулисами, пробегая мимо, Марат крикнул: «Ты что?! Брось реветь, ведь все идет хорошо!» Этого мне было достаточно. Слезы я утерла. И когда выходили на поклон, я была уже счастлива! Да разве я одна! Мы все были счастливы.

Это была весна 1941 года…

Много-много лет спустя я побывала в своем с детства родном краю – с концертами объездила весь Кузбасс. Была в Тайге, но немногое смогла увидеть, не сразу все вспомнилось, ведь увезли меня из Тайги в раннем детстве… Но вдруг увидела кедры! И как же бросилась к старому кедру, знала же, что он помнит время, когда мама моя была молоденькой, а дедушка работал на станции.

Мамин отец – Иоганн (но все его звали Иваном) Михайлович – был ссыльным поляком, и я долгое время не знала, что он мой родной дедушка, от меня это скрывали. В Сибирь целая группа ссыльных поляков попала за какое-то восстание, мой дедушка участвовал в нем совсем молодым. Там он встретил мою бабушку, которая была переселенкой из-под Бронниц, и, чтобы жениться, принял православие, на этом настоял священник. Жили они в городе Тайга Кемеровской

области, где, собственно, я и родилась. Дедушка был достаточно образованным, корни его родословной, рассказывали мне, уходят в Австрию. В его доме было много вещей, выписанных из Варшавы, – зингеровская машинка, рожок для обуви…

Потом я приезжала в Тайгу еще раз. Конечно, была в Мариинске, где жил мой дедушка, куда меня маленькой привозили на лето. Там на высоком крыльце дедушкиного дома я когда-то дала первое представление. И теперь, в свой приезд, опять выступала с концертом. Перед его началом мы искали дедушкин дом. Я не помнила ни названия улицы, ни номера дома, но смогла точно указать, куда надо идти. Мы шли по улице, а дома все нет и нет. Я чувствовала, что цель уже рядом, но меня торопили – скорее на концерт, ждут зрители, надо выполнять программу. А когда уже выходила на сцену, кто-то шепнул мне – нашли! После концерта мы поехали к дому – стоит, как новенький. Нынешний хозяин его отреставрировал. И соседи, припоминая старину, подтвердили: «Да, здесь жил гармонный мастер». Какое тогда, в моем детстве, было безмятежное, счастливое время…

Вставай, страна огромная!

Но наступило лето 1941 года с его каникулами и перерывом в работе студии. Все казалось серым и неинтересным в сравнении с нашим репетиционным залом, со спектаклями. Я слонялась, как сонная муха, по дому, только выезды за город, на Обь, всегда приносили радость.

В тот день мы с девочками из нашего двора решили поехать в сосновый парк на берегу Оби. Купались, ели мороженое, смотрели на проходящие пароходы, на небо, на людей. Видели, как группы отдыхающих собирались у репродуктора, прикрепленного к сосне. Помню, одна девочка спросила, что это передают. А мы все были так заняты собой, как это бывает у подростков, что опять ничего не поняли. Я ответила: «А-а, опять какая-нибудь нота!» И снова купаться.

Обратно возвращались моторкой, потом – трамваем. Всюду было много народа. И мы опять ничего не поняли. Приехали домой уже вечером. Вошла мама и сказала: «Ну вот и все с вашим ученьем и со всем на свете. Война!»

Конечно, тайком от мамы я была в райкоме комсомола. Очень робко вошла в прокуренную комнату. Какой-то человек с усталым лицом спросил: «Тебе чего?» Я ответила: «На фронт». Как видно, ему надоели эти посещения! И огрызнуться нельзя. Я не уходила. Тогда он сказал: «Ладно, приходи завтра, вот тут надо подежурить, полы помыть».

Я удалилась. Какое непонимание! Человек на фронт просится, а ему – подежурить, полы помыть!

Побежала в студию. Оказывается, там полно событий. Из отпусков все вернулись. Многие кружковцы мобилизованы, приходили прощаться.

Понимала ли я тогда весь страшный смысл слова «война»? Нет, конечно, нет. Разве я могла себе представить то чудовищное, что с каждым днем, месяцем, годом раскрывалось для людей в этом грозном понятии.

В самом начале войны за окном нашего дома я услышала молодые голоса проходивших солдат:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Но разве думала я, что вместе со взрослыми в первые дни войны уйдут на смертный бой сыновья наших сибирских писателей – Миша Пушкарев, Миша Коптелов – ребята, с которыми мы совсем недавно ходили на елку, получали подарки. Уйдут и не вернутся… Многие выпускники нашей школы, недавние старшеклассники, на которых мы заглядывались, уважали и горди лись, если они удостаивали нас вниманием, тоже уйдут и тоже не вернутся. Какими неприступными казались они в школе, всезнающими, взрослыми, и какими неожиданно близкими и родными стали эти мальчики, ко-

гда с посерьезневшими лицами и трогательными улыбками – мол, все в порядке – шли они к военным эшелонам.

Разве могла я себе представить, что в смертельный бой с этой фашистской ордой уйдут почти все исполнители «Двенадцатой ночи»? Что с фронта они будут писать удивительные письма, а Валентина Викторовна перед репетициями в холодном зале будет читать их нам?

Письма будут написаны между боями и заданиями: «… с которого не надеялся вернуться живым…»; или: «…здесь побывал в таких переделках, что, как вспомнишь, волосы дыбом становятся…»; или: «…я нахожусь все время на передовой, в нескольких метрах от врагов и даже бываю у них в тылу…»

И в каждом письме убежденность в победе и мечта о театре, о творчестве.

Мы не знали тогда, что все наши мальчики в тяжелую минуту проявят поразительную силу и величие духа! Что Марат Бондаренко-Стольниц напишет такое письмо:

«Напишите, где ребята?.. Все ли живы-здоровы? Что играют? О чем думают? Я знаю, что мы боремся за лучшее будущее. Я, если надо, жизнь отдам за то, чтобы мои друзья говорили со сцены словами Шекспира и Мольера, Горького и Чехова. Но умирать мне не хочется. Я еще хочу вылезти из-под стола Органом, хочу еще раз станцевать танец Эндрю Эгюйчика и хочу переиграть все возможные и невозможные роли. Надеюсь, что это удастся и сбудется, а если нет, то

пусть на моей могиле напишут: “Он любил искусство больше самого себя, а Родину – больше искусства”. Всегда Ваш Марат Бондаренко. 1942 год».

Марат был очень тяжело ранен, контужен и погиб.

А от Димы Мелика не будет писем. Он не успеет их написать. В первые же месяцы войны под Ленинградом наш Дима подхватит знамя и побежит вперед! Он ведь всегда был такой легкий в движении! Так и погибнет Дмитрий Мелик со знаменем в руках!

Как выразить вам благодарность, ребята, вечную, неизбывную боль душевную… Сколько мы видели потом могил молодых ребят, и на нашей и на чужой земле! И каждый раз, когда я читаю надписи на солдатских могилах – год рождения 1923, 1924, 1925, – я думаю: это все вы, наши старшие ребята, и каждый раз сжимается горло. И ничего нет более святого и трагичного, чем ваша оборвавшаяся юность!

Многие стали известными героями, большинство не успело ими стать, но перед нами, живыми, все вы – герои. Своей жизнью вы защитили нашу. И вы победили…

Оставшиеся студийцы под руководством Валентины Викторовны в августе должны были поехать в колхоз убирать свеклу, играть перед колхозниками. А пока репетиции. Надо срочно готовить новый репертуар, удобный для исполнения в любых условиях.

По каким-то причинам в то лето наша студия не выехала в колхоз, а поехала я со школой в один из совхозов, где мы

окучивали картошку и пропалывали свеклу.

Когда вернулись из совхоза поздней осенью, жизнь в Новосибирске изменилась. Начали прибывать эвакуированные, целые организации, заводы, театры. За год до войны мы переехали с Потанинской улицы на улицу Челюскинцев, в так называемый Дом писателей. У нас была трехкомнатная квартира, и вначале мы приютили харьковчан, потом у нас жили ленинградцы, потом москвичи.

Приходили мамины московские знакомые, рассказывали о воздушных налетах, бомбежках, о трудном пути в эвакуацию – рассказы тревожные, но интересные. Многие ругали себя за наивность: не взяли с собой кто электрическую плитку, кто – тонкие чулки. Считали, если едут в Сибирь, все это не пригодится.

В городе стали появляться первые госпитали. В нашей студии тоже наметились перемены. Ушли на фронт наши лучшие, самые способные ребята, но появились новые, из числа эвакуированных.

Работа студии заметно оживилась. Вскоре состоялся первый выезд в госпиталь, где был большой просмотровый зал, и даже со сценой. Поэтому повезли «Тартюфа», где я играла Дорину. В этом госпитале преимущественно лечились ранения лица, восстанавливались челюсти, носы. Много обожженных лиц у раненых танкистов.

Я старалась не смотреть в зал. А зал был переполнен. Большинство раненых ходячие. Сцена без занавеса. С одной

стороны сцены и всего зала – большие окна, выходившие во двор. Была поздняя осень, но на дворе тепло, и кое-где окна открыли.

Я любила веселую Дорину. В каком-то эпизоде я подскочила к окну… и вздрогнула. За окном, плотно прижавшись к стеклу, стояли и смотрели на меня маски. Неживые лица с любопытными молодыми глазами. Они увидели мое оцепенение, и одна маска мне подмигнула, мол, не тушуйся, и изобразила что-то вроде улыбки. Розоватая, натянутая кожа лица почти не двигалась…

Как нас ждали раненые! Помню обожженные, забинтованные лица – что под повязками, подумать страшно, а глаза юные, страстные. Когда спектакль кончался, кричали: «Не уходи!» Годы спустя я рассказывала об этом Никите Михалкову, он был заворожен. И отголоски моей истории, возможно, слышны в финале его «Предстояния».

Принимали нас в госпиталях всегда радостно. Иногда приходилось пробираться к игровой площадке между носилками, на которых лежали больные, так что вместо первых сидячих мест были лежачие. Вскоре мы привыкли к раненым, не пугались вида искалеченных, хотелось доставить им как можно больше радости. Не знаю, хорошо или плохо мы играли. Но играли искренне, с большой отдачей, за что получали аплодисменты благодарной аудитории, а те, кому нечем было аплодировать, стучали ногами.

В Новосибирск были эвакуированы из Ле нинграда Пуш-

кинский театр, филармония, ТЮЗ. К нам в школу приходил Соллертинский со своими изумительными лекциями по искусству. Я старалась не пропускать их и купила абонемент в филармонию. Удивительно, как точно показывал его И. Андроников в своих устных рассказах.

Руководители нашей студии тоже не растерялись, и на репетициях стали появляться выдающиеся мастера сцены. Были у нас Корчагина-Александровская, Юрьев, Николай Симонов. С Симоновым я даже репетировала Марину Мнишек!

Разумеется, перед приходом такого артиста мы особенно тщательно убирали свой зал. Ведь мы ждали не просто знаменитого артиста Николая Симонова. К нам приходил сам Петр Первый. Это было впервые, когда я почувствовала феноменальную силу кинематографа. Волновались ужасно. В этот вечер была назначена репетиция сцены у фонтана. Участвовали я и Женя Шурыгин. Николай Константинович прошел через весь зал, разделся, поздоровался с Валентиной Викторовной и сел с нею рядом. Сказал: «Продолжайте».

Начинал сцену Димитрий, то есть Женька. Дрожащим от волнения голосом он заговорил:

– Вот и фонтан, она сюда придет… – Вплоть до моей реплики:

– Царевич! – Но произнести ее я не успела. Симонов соскочил со стула, занял Женькино место и начал сцену снова. Все ближе и ближе к моему выходу, наконец:

– Но что-то вдруг мелькнуло… Шорох… Тише…

Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

– Царевич! – Произношу я и в своих валенках бесшумно появляюсь на сцене.

Самозванец еще не видит Марину. Он только произносит как бы про себя:

– Она! Вся кровь во мне остановилась.

– Димитрий! Вы? – Все еще не узнаю я, кто это там стоит ко мне спиной.

– Волшебный сладкий голос! – И вдруг Димитрий разворачивается ко мне и во всю мощь симоновского темперамента и особенного симоновского голоса почти кричит:

– Ты ль наконец? Тебя ли вижу я, одну, со мной, под сенью тихой ночи?

Косички мои поднялись дыбом, но я не сдаюсь и продолжаю сцену:

– Часы бегут, и дорого мне время. Я здесь тебе назначила свиданье не для того, чтоб слушать нежны речи любовника…

Вот так. Знай наших! Мы доиграли сцену до конца. Потом Николай Константинович рассказывал о съемках «Петра Первого». Несколько раз повторял: «Читайте больше!»

Наверное, во время репетиции Симонов был поражен об-

ликом своей партнерши – полтора метра ростом, в валенках, с торчащими косичками, – но он, мастер, ничем не выдал удивления. Прощаясь, Николай Константинович погладил меня по голове и сказал: «Надо поступать в театральный институт…» И не просто сказал – с нажимом. Я и прежде была уверена в правильном выборе будущей профессии, а уж после того как меня благословил сам Симонов, – сомнения вообще улетучились.

Во второе военное лето, в 1942 году, наша студия выехала в один из колхозов Кулунды. Поселились в брошенном, с заколоченными окнами доме. Окна открыли, помыли. Посредине дома стояла большая русская печь. В ней Валентина Викторовна со старшими девочками готовили еду. Убирали в поле турнепс. Вечерами репетировали прямо во дворе или играли перед кол хозниками, где-нибудь на полевом стане, среди костров. Костры были единственным освещением.

Возвращались в Новосибирск в конце августа. До станции добирались на волах. Весь наш реквизит, костюмы, гитары погрузили на арбу, сами расположились на двух других и ехали так всю ночь. Вначале ребята играли на гитаре, пели. Какой-то пастух спросил: «Кто такие, цыгане, что ли?» Мне это понравилось очень.

Провести ночь под открытым небом было мне не в диковинку, и, глядя на звездное августовское небо, я вспоминала, как мама ездила в командировку на Алтай, в горную Шорию, и взяла меня с собой.

Западнее отрогов Саян есть Салаирский кряж. И есть там гора Петушок. Странное это место. На вершине горы в тайге вдруг болота, валуны.

Здесь пролегал единственный путь на старинный, екатерининских времен, золотой рудник Спасский, туда и направлялась мама по заданию краевой газеты и журнала «Сибирские огни».

В большом очерке «В верховьях Кондомы» она писала:

«О таинственном и страшном Разломе те, кто бывал на нем, отправляющихся в рудник Спасск впервые предупреждают еще в Бийске. “Да что там? Выбита дорога, болотистость, крупные подъемы?” – допытываются новички.

Люди бывалые таинственно бросают: “Увидите”.

Склоны гор настолько круты, что местами даже верховая лошадь с трудом их одолевает. Запряженных коней пустая телега стаскивает вниз. От заимки, где обычно ночуют транспорты, осматривают упряжь, кормят овсом коней и часто меняют телеги на вьюки, вздыбился Петушок – веселая гора, с вершины которой в последний раз видны синеющие холмы Солтона. За Петушком начинается четырнадцативерстный подъем на Разлом. Вечная, никогда не просыхающая грязь, весной и осенью жирно лоснится сплошной, местами доходящей до брюха лошадей, цепкой трясиной. Через догнивающие стволы свалившихся деревьев лезут измученные лошади. Не посильный подъем выматывает одинаково и коней и людей. На вершине горы наиболее гиблые места выстланы

кое-где деревянным настилом».

На перевале пришлось нам с мамой заночевать. Спали на земле, где вначале развели костер, нагрели землю, потом забросали сосновыми ветками, застелили одеялом и так спали. Но ночью мама меня разбудила и перенесла все на другое место. Опасно было на прежнем – рядом сосна поскрипывала, а у основания ее в огромном стволе чернела яма – это такой способ костры разводить: поджигают с одной стороны сосну, она снизу обгорит, затем в образовавшемся дупле разводят огонь. Следующий путник снова разжигает костер в этом же дупле – так легче, ведь кругом сырость, болотистая земля. И в конце концов сосна рухнет.

В эту же ночь произошло такое событие: лошадь наша ушла. И разыскивать ее отправился наш возчик. Остались мы с мамой в тайге вдвоем. Ночью слышали, как зверь какой-то вокруг ходил, но к костру не решался подойти.

Сидим мы, осенняя тайга гудит. И вдруг, как в песне, бродяга с сумой на плечах. Идет и жует сухой гриб. Я обрадовалась живому человеку, а вот мама испугалась. Но ничего, накормила она его чем-то из наших припасов, посидел он у костра и ушел, а мы опять вдвоем остались, пока не появились люди с лошадью…

И еще вспоминается: степь, вдали невысокие горы, мы на телеге, запряженной парой лошадей. С нами ямщик и еще двое людей – муж и жена. Прохладно. Луна. Едем мимо кладбища, я в полудреме с подозрением слежу за крестами…

проехали. Вдали на одном из холмов огонек. До него далеко, решено ночевать в степи. Лошадей стреножили, они всю ночь позванивают где-то рядом, а мы спим под телегой. Когда читаю «Степь» Чехова, всегда вспоминаю ту ночь. И у Гоголя «Вий» читаю, а вижу то кладбище, как туман ходил и казалось, кресты шевелятся…

Мама в начале июля 1942 года уехала к белорусским партизанам. Вот что об этом писала газета «Советская Сибирь»: «Вчера утром из Новосибирска выехала делегация бывших партизан-сибиряков, среди которых тт. Загуменный, Решетников, Замураев, Макеев и писательница Анна Герман. Делегацию возглавляет бывший командир партизанского корпуса И. В. Громов».

Везли они подарки белорусским партизанам, несколько тысяч рюкзаков с полным комплектом всего, что нужно для жизни в лесах. Участники Гражданской войны, руководители партизанского движения в Сибири ехали к партизанам Белоруссии обмениваться опытом. Мама никогда не была партизанкой. Ее включили в делегацию как журналистку.

Чем закончится эта поездка, я еще не знала. Сестра Нина тоже на полевых работах. Все в разных местах. Время для нашей страны было тревожное. Новым смыслом наполнилось слово «Сталинград». Немецкая авиация бомбила Сталинград, гибли мирные жители. Сибирские части шли в район Сталинграда, возвращались эшелоны раненых. Говорили – там все горит…

А пока мы работали на полях, выступали перед ранеными, учились, в Краснодоне, за линией огненного кольца, начала действовать «Молодая гвардия». Но об этом я еще ничего не знала.

Не знала я и того, что на следующее лето, закончив десятый класс, я получу аттестат и в то время, как мама опять уедет на фронт, будет совсем близко от Ростова и Краснодона, а именно в Четвертом гвардейском минометном полку, я пошлю документы и заявление в институт кино.

Но это будет потом, а пока мы возвращались с нашим драматическим кружком домой из колхоза, поскрипывала арба.

Я смотрела на редкие костры, на звездное августовское небо. Когда какая-нибудь звезда вдруг срывалась и падала, оставляя за собой короткий и четкий след, загадывала всегда одно: стану ли я актрисой? И звезды подтверждали это, ведь в августе всегда звездопад.

Поступаю во ВГИК

Как, откуда пришла ко мне мысль поступить именно во ВГИК, я не помню. Я знала, что буду актрисой, но почему – киноактрисой? Кино было для меня чем-то далеким, чужим, не то что театр. Рядом был эвакуированный Ленинградский институт театрального искусства, где уже училась наша кружковка Нина Мамаева, и, казалось бы, что же лучше? Но нет. Я знала, что ВГИК эвакуирован в Алма-Ату, а это уже интересно.

Мне пришлось посетить в облисполкоме какого-то начальника, просить пропуск. Война, и чтобы попасть из одной республики в другую, нужно было что-то вроде визы. Полных лет тогда мне было шестнадцать. Я рано закончила школу. Косички, которые я заплетала, делали меня совсем школьницей. Добрый человек в облисполкоме попытался отговорить меня, мол, знаешь, как там трудно, в кино, да война! Но я твердо смотрела ему в глаза, и визу мне дали.

Мое путешествие во взрослую, самостоятельную жизнь началось в мягком вагоне скорого поезда 28 июля 1943 года.

Это звучит фантастически. Ведь прошло только двадцать пять суток с той ночи, когда огненный шквал наших орудий возвестил о начале одного из величайших сражений Отечественной войны в районе Курской дуги. А вот даже институт кино делал первый свой набор на все факультеты после пере

рыва, вызванного началом войны.

Мама, только что вернувшаяся с фронта, успела меня проводить.

Алма-Ата военных лет. Там находился весь цвет кинематографа. Снимались и выходили на экраны фильмы.

На алма-атинском вокзале меня огорчило одно обстоятельство – надо было пройти санпропускник. Юг. Огромное скопление людей. Санпропускники были одной из необходимых мер по борьбе с тифом. Позднее я узнала, что такие прекрасные артисты как Блинов, Софья Магарил погибли от тифа, хотя настоящих эпидемий все-таки удалось избежать.

Но, видно, кто-то из обслуживающего персонала увидел, что девочка едет из дома, чистая, и дал мне справку, не пропустив через пахнувшую хлоркой баню.

Когда я пошла с чемоданчиком по алма-атинским улицам, с их прохладными арыками по сторонам, с изумительной панорамой гор, оживленной толпой, настроение у меня поднялось, и, добравшись до здания института, я была в том боевом и целеустремленном настроении, которое у меня часто возникает перед ответственным делом или сложной сценой, которую предстоит играть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.